

Лев Устинов БОЛЬШАЯ ПОГОНЯ

Лев Устинов

БОЛЬШАЯ ПОГОНЯ

«РОСМЭН»

•

•

•

•

•

Что сначала, что потом,
или о чём вы читаете в этой книге
Зачем проснулся Ёж и почему каркал Ворон?
Как снег на голову! Вместе со снегом
Неожиданный гость. Да ещё прямо из Африки
Африканская погоня
Горячий снег. Бедная Обезьянка!
Два чёрных грифа и один рыжий Гепард
Начало второй погони. Длинноногий Убийца
Закон сильного
Зима будет холодной. Страх
Общий совет северного леса
Закон слабого
«Щёлкал я зубами на ваш закон». Волк и Гепард вместе
Двое против всех
Мальчик К.Р.В. Шофёр — лётчик — капитан корабля
Тридцать тысяч ежей и ежат
Все против двоих
Закон слабого сильнее, чем закон сильного
Волк умнеет на глазах!
Спасение Обезьянки
Очередь в зоопарк: Гепард становится первым
Всем счастливого пути!

Лев Устинов

БОЛЬШАЯ ПОГОНЯ

Художник В. КОРКИН

МОСКВА «РОСМЭН» 1996

Зима, зима, зима... Снежок — кому враг, кому дружок — к пожухлой траве прилепился-приклеился. Видать, до весны до самой.

Тишина. Только Ворон на дубе сидит да покаркивает невесело.

— Кар-кар... Кар-кар... Кар-тинг по кар-те кру-жит. Краб кружку крутит. Крутые кроты красную краску украли. Кар!..

На полянку Волк высунулся, оглядел всё глазом острым, проверил, нет ли засады какой или ещё чего. Волк в лесу, как хозяин в доме. Да только дом тот без стен и без крыши. А в доме без стен каждый сам себе защитник.

— К чему это ты так раскаркался, Ворон? — спросил Волк не то чтобы сердито, но строго.

— К морозу, Волк, к морозу.

— Щёлкал я зубами на твой мороз. Волку мороз не страшен.

— Смотря какой мороз, Волк, — покачал головой Ворон. Ворон этот был такой чёрный, что даже среди воронов отличался своей чернотой, за что и прозвали его Чернявый.

— Я в берлоге спрячусь.

— Ты-то, может, и спрячешься, — усмехнулся Ворон, — да вот еда твоя помёрзнет.

Волк огрызнулся:

— Не каркай, Чернявый.

— Как не каркать — работа у меня такая. Кар-кар!..

На снегу вдруг появился Ёж. Он растопорщил свои иголки, потянулся и зевнул.

— Гляди-ка! Ёж!.. — удивился Волк. — А ты чего выполз? Ежи зимой должны спать.

— И то верно, Волк... Да что-то не спится мне, старику, — зафыркал Ёж, — старость — не радость.

— Может, у тебя болезнь какая? — затревожился Ворон. Он любил Ежа. У них старая дружба. — Тебе надо срочно проглотить ле-кар-кар-ство.

— Со мной всё в порядке, я здоров, — ещё раз зевнул Ёж, прикрыв рот лапкой, — просто мне всегда не спится перед тем, как что-то должно случиться. Вот так я проснулся среди зимы лет тридцать назад, когда на наш лес двинулись змеи.

— Змеи среди зимы? —
искренне удивился Ворон, —
но этого не может быть!

— Не может быть только того, чего никогда не будет. А всё остальное всё-таки может быть.

— Расскажи, Ёж. Мои уши открыты для твоих слов. — Волк поднял уши на макушку — весь внимание. — Ты знаешь, я не люблю тебя, но зато я люблю слушать твои рассказы.

— В ту зиму во всех окрестных болотах почему-то проснулись тысячи змей и все двинулись на наш лес. Они хотели застать нас спящими... Но и мы, ежи, тоже проснулись. Какая-то тайная сила заставила нас проснуться!.. Ты видел, что бывает, когда один ёж сражается с одной змеей?

И трава, и цветы,
и грибы

от ударов змеиного хвоста падают, как подкошенные. И я знаю: если я хоть на долю секунды разожму челюсти — гадюка ужалит меня. Это смертельная схватка. И там, где побеждает первый — не бывает вторых.

— Я знаю, — согласился Волк, — я видел тебя в таком деле. Я был восхищён твоей победой!

И тут же добавил:

— Но даже после этого мне не удалось полюбить тебя. Наверно, мы, волки, просто не любим ежей.

— Ты видел, как это делается один на один... А тогда... Тогда погибло много ежей, но ещё больше погибло змей. Это была великая битва. И память о ней хранится в памяти тех, у кого есть память.

— Пре-красно! Значит, ты проснулся, чтобы снова совершить подвиг! — от восторга Ворон даже перепрыгнул с ветки на ветку.

— В молодости надо думать о том, как бы совершить подвиг, а в старости надо думать о том, как бы его избежать.

— Самые безопасные подвиги мы совершаем во сне, — почти

не скрывая насмешки, заметил Волк, — шёл бы ты спать, Ёж.

— Я бы пошёл, да только на душе у меня почему-то неспокойно. Как будто я кому-то что-то должен.

— Кому? — удивился Ворон.

— Никому. Я никому ничего не должен, а на душе неспокойно.

— Что-то спускается с неба! — каркнул Ворон.

— Это что-то летит, ухватившись за самую большую снежинку, — удивился Волк.

— А может, это не что-то, а кто-то, — предположил Ёж.

Они с удивлением смотрели вверх, туда, откуда, держась одной лапкой за большую белую снежинку, спускалась, попискивая от страха, маленькая Обезьянка.

— Человек! — испуганно крикнул Волк.

— Нет, человек не бывает таким лохматым, — позволил себе не согласиться с ним Ёж. И рассудительно добавил: — Раз он летит, значит, он птица.

— Какая же он птица, — усмехнулся Ворон, — если у неё нет крыльев? Крылья кружат птицу по кругу.

В этот момент Обезьянка коснулась земли, покрытой снегом, и тут же стала вскрикивать и смешно подпрыгивать.

— Ой!.. Ой!.. Ой!.. Почему у вас здесь под ногами везде пушистое горячее молоко?

— Это не молоко, это снег. — Ёж первым сообразил, в чём дело. — Непривычные лапы он обжигает не хуже огня.

— Снег? Что такое снег? Куда я попала? — продолжала прыгать Обезьянка то на одной, то на другой ноге.

— Кто ты? Мы впервые видим такого зверя, — признался Ёж.

Волк принялся, жадно втянул воздух ноздрями:

— Я не знаю, кто это, но, по-моему, этот кто-то пахнет едой.

— Пре-кра-крати её пугать, — каркнул Ворон, — это Обезьянка. Я видел такую же на картинке у Мальчика, Которому Разрешают Всё.

— Всё разрешают только дураки дуракам, — с умным видом заявил Волк, — если бы мне разрешили всё...

— Ему разрешают всё потому, что ничего плохого он всё равно не сделает. Его так и зовут: Мальчик К.Р.В.

— Но ведь обезьяны живут в жарких южных лесах. Как же ты сюда попала? — вежливо спросил её Ёж.

— За мной погнался Гепард. Он сделал свой знаменитый рывок, но и я помчалась быстрее ветра. Ах, как я бежала! Даже травинки не успевали меня разглядеть! — Обезьянка вздохнула. — Но Гепард бежал ещё быстрее. Он ужасно страшный, этот быстроногий убийца. И, спасаясь от него, я со страху прыгнула на самое высокое облако.

— Но почему же ты не прыгнула на дерево? — удивился Ворон. — Разве Гепарды умеют лазить по деревьям?

— Не умеют.

— Тем более, — пожал плечами Ворон, — ведь сидеть на дереве гораздо удобнее, чем на облаке.

— Да, — согласилась Обезьянка, — но ближайшее дерево было от меня слишком далеко, а Гепард слишком близко.

— А облако стало подниматься всё выше и выше и принесло тебя в наш северный лес. Да?

— Я не знаю, куда оно меня принесло, но, когда я проснулась, я увидела, что вместе с раскалёнными белыми перьями опускаюсь куда-то вниз.

Ворон засмеялся:

— Это не перья. Это снежинки.

Обезьянка вздрогнула, обхватила сама себя лапками, чтобы хоть немного согреться, только это не очень-то ей помогло.

— У вас здесь что, всегда так холодно?

— Нет, — попытался утешить её Ёж, — это только зимой. А почему Гепард погнался именно за тобой?

— Это длинная история, — вздохнула Обезьянка. — Когда я была совсем маленькая, моя мама любила мне шептать всякие ласковые слова. Она целовала меня и приговаривала: «До чего же ты у меня сладенькая, до чего же ты у меня вкусненькая»... А Гепард однажды подслушал, как она шепчет, и с тех пор стал караулить меня в надежде, что я упаду с ветки на землю... — Обезьянка чихнула.

— Будь здорова, кра-расавица!

— Легко сказать: «будь здорова», — фыркнул Ёж, — если она погибнет от холода, то никакое здоровье ей уже не поможет... О-хо-хо, и зачем я только проснулся!

— Давайте соберём в старых гнёздах остатки птичьего пуха и укроем им Обезьянку, — предложил Ворон.

— Пухом можно укрыться, но пухом нельзя дышать. Холодный воздух обожжёт её лёгкие. Для такой неженки тут нет места. Когда ты совсем замёрзнешь, я сделаю из тебя лучшую в мире ледяную статую, — похвастался Волк. — А весной, когда ты растаешь...

— Разве у меня нет никакой надежды на спасение? — ещё больше испугалась Обезьянка.

— Боюсь, что твои дела гораздо хуже, чем ты думаешь, — печально вздохнул Ёж.

— Ну за что, за что же меня так наказала моя обезьянья судьба!

— Каждый в чём-нибудь виноват, — невесело качнул головой Ёж.

— Наши дурные поступки кра-кра-крадутся за нами по пятам.

— И избавиться от них можно только назвав их своими именами, — высказал свою любимую мысль Ёж.

— Однажды я сорвала с ветки последний банан и убежала, не поделившись им со своей сестрой. Неужели за это?

— Жадность. Всех вас погубит жадность. Только мы, волки, умеем делиться своей добычей.

— А может, это вовсе и не жадность, а просто плохое воспитание? — как всегда не согласился с Волком Ёж.

— А другой раз я никак не могла разбить кокосовый орех и так рассердилась, что бросила его на камни ручья, из которого мы пьём воду. Вода в ручье замутилась, и рыбы, живущие в этом ручье, на меня ужасно рассердились.

— Этот проступок называется злостью, — сказал Ворон.

— А может быть, просто нетерпеливостью, — попытался защитить Обезьянку Ёж.

— Вот и всё... Ах, да... Нет... Как-то я раскачивалась на слишком тонкой ветке...

— А этот проступок называется глупостью, — обвинительным тоном прокаркал Ворон, — вот и выходит, что ты обвиняешься...

Волк посмотрел на Обезьянку, а потом развернулся к Ворону:

— Но обвинять в глупости можно только того, кто умен. А умный, насколько я понимаю, не станет среди зимы кататься на облаках.

— Глупость не вина, — фыркнул Ёж, — глупость — это причина вины. Похоже, что нам придётся всю зиму спасать её от мороза.

— Я вам во всём призналась, но мне от этого почему-то не стало теплей, — жалобно сказала Обезьянка. — У меня даже начинают болеть пальчики на лапках. Это ваша зима делает мне так больно?

— Это только начало зимы, но давайте называть вещи своими именами: когда ударит настоящий мороз...

— Я не хочу, чтобы он меня ударял. Я не люблю, когда меня бьют... Ой-ё-ёй...

— Не сиди на месте, — приказал ей Ёж, — пой, прыгай, скачи, танцуй — только не сиди на месте.

— Что вам спеть? Весёлое или грустное?

— Уж лучше давай весёлое! Грустное мы и сами можем.

Обезьянка стала прыгать с ветки на ветку, вверх, вниз, кувыркаться. Как будто она веселилась от всей души, но песня у неё почему-то получалась очень грустная.

— Никогда в жизни не слышал такой жалобной песенки. — Ёж даже вздохнул. — И давайте называть вещи своими именами: если мы её не спасём — её не спасёт никто.

Ворон печально каркнул, и синяя слеза скатилась на снег из его левого глаза:

— Ёж, разве это может быть?.. Она спела нам про свою весёлую жизнь, а мне стало так грустно, так грустно...

— Щёлкал я зубами на вашу грусть. Грустью делу не поможешь. Эта Обезьянка должна знать, что в нашем лесу может спастись только тот, кто может спасти самого себя.

Обезьянка согласилась с ним и рассказала, что в джунглях Африки то же самое, но у них в стае был опытный вожак, который вовремя подавал сигнал опасности.

— Если надо будет, я громко крикну на весь лес: «Кар-ка-раул!..» Мы должны спасти её, Ёж!

— Мы никому ничего не должны, — проворчал Ёж, — но мы постараемся это сделать.

— Вот! — крикнул Ворон, — я знаю, что делать. Надо посоветоваться с Мальчиком, Которому Разрешают Всё. У К.Р.В. много книг и много друзей.

— Этот Мальчик умеет говорить по-вороньему? — спросила Обезьянка с робкой надеждой. Ведь робкая надежда иногда помогает даже лучше самой твёрдой уверенности.

— Мой прадед однажды поранил себе крыло, и его приютила в своём доме маленькая девочка. Она научила его произносить загадочные слова людей. С тех пор в нашем роду все умеют говорить на человеческом языке.

— Лучше не вмешивать человека в наши дела, — сердито фыркнул Ёж.

— Наверно, ты, как всегда, прав, — сказал Ворон Ежу, — но если мы сами ничего не сможем придумать...

— И это верно... Лети, Чернявый, лети. А я пока буду всё время думать.

Ворон расправил свои могучие крылья, оторвался от верхушки дуба, скользнул чёрной тенью по краешку воздуха и полетел.

Волк повернулся в сторону Ежа:

— Ну?.. О чём же ты молчишь, мудрейший из ежей?

— Я молчу о том, о чём не хочется говорить.

— Ты молчишь о том, что волки не едят ежей, а ежи не едят обезьян. О том, что у каждого своя добыча, Ёж.

— Этого не будет, Волк.

— Почему?

— Потому что я проснулся, Волк.

— Чтобы снова совершить какой-нибудь нелепый подвиг?

— Да, Волк.

— Но если ударит мороз, ты замёрзнешь раньше Обезьяны.

— Я знаю, Волк.

— И всё-таки хочешь её спасти даже ценой своей жизни?

— Боюсь, что так оно и есть, Волк.

Ворон вернулся и захлопал крыльями:

— Ура! Это прекра-кра-красно! Мальчик К.Р.В. сказал, что эту Обезьянку надо срочно отправить обратно в Африку.

— Но как? — с сомнением покачал головой Ёж.

— К.Р.В. сказал, что у него есть знакомый шофёр и он попробует с ним договориться.

— Смотрите, там по небу летит какая-то странная птица! — фыркнул Ёж.

— У неё раз... два... три... четыре крыла, — уж чего-чего, а считать Волк умел.

— Три головы! — ахнул Ворон.

— Восемь ног.

— Два коротких хвоста и один длинный... Похоже, что я не зря проснулся, — ошетинил свои иголки Ёж.

— К нам по небу кра-кра-крадёт какой-то страшный зверь! Спасайтесь!

Все кинулись в кусты, даже Ворон.

— Щёлкал я зубами на вашего зверя, — торопливо высказал своё презрение к опасности Волк, — но на всякий случай тоже спрятался за широкой елью.

А на рыхлый и пока ещё тонкий снег поляны самоуверенной наглой походкой вошёл большой жёлтый с тёмно-коричневыми пятнами кот. Его длинный упругий хвост ударил по снегу, и снег взметнулся метельной пылью. Это был Гепард, по кличке Длинноногий Убийца, коренной житель бескрайних просторов африканской саванны, абсолютный чемпион мира в беге на короткие дистанции. Те, кого он догонял, уже никогда не могли никому рассказать, что с ними случилось. Он знал цену себе и своим клыкам.

Гепард принюхался и глухо прорычал:

— Она здесь. Это её запах... А вот и её следы, — задрал голову и прорычал в небо: — Спасибо вам, грифы, за точную доставку!.. Ещё не родился на свет тот зверь, который смог бы убежать от Гепарда... Однако здесь под лапами что-то слишком белое и слишком колючее. Я не вижу здесь тепла и тёплой встречи...
Бр...

Ворон взлетел, сел на ветку. На ту, которая повыше.

— Не бр... А кар... кар... Кор-роче говоря, это не страшный зверь, а всего-навсего птичий пассажир.

Следом за ним Ёж вкатился.

— Разрешите представиться...

— Не затрудняйтесь. Ёж даже в Африке — ёж. Не бойтесь. Я постараюсь на вас не наступать, — высокомерно произнёс Гепард.

— И вы не бойтесь. Я постараюсь не вонзать свои колючки в ваши нежные лапы, — отпарировал Ёж.

Обезьянка не выдержала и крикнула почти с верхушки дуба:

— Будьте осторожны! Это Гепард — Длинноногий Убийца. Гепард даже не посмотрел в её сторону.

— Я не с тобой разговариваю, Обезьяна... Кто здесь хозяин?

— Я, — с важностью произнёс Волк.

Гепард долго всматривался в него. Нарочито долго. Но потом великодушно согласился:

— Ты похож на Волка.

— Я похож на самого себя, — огрызнулся Волк. Ссориться ему пока не хотелось: быстро вспыхивает ссора, да гаснет не скоро.

— Я прилетел сюда за своей добычей.

— Прилетел? — Волк сделал вид, что он ужасно удивлён. — Но где же твои крылья?

Гепард весело расхохотался.

— Мои крылья улетели обратно в Африку.

— Это была твоя ошибка, Гепард. В эту осень, на Покров день, ветер с утра до ночи за солнышком гнался.

— А журавли и того раньше улетели, — и Ворон прокричал, подражая крику людей, — колесом дорога!.. Колесом дорога!..

Ёж поёжился, как от дурного предчувствия:

— Ранняя будет зима.. Холодная будет зима..

— Мои ноги унесут меня от любого мороза, — похвастался Гепард.

— У тебя всего лишь четыре ноги, ты ловко кра-кра-крадёшься, а мороз мчится на двадцати двух ветрах.

Гепард пристально посмотрел на Волка.

— Ну, а если мне не удастся убежать, то мне может понадобиться чья-нибудь очень тёплая шкура.

— Ты угрожаешь мне, Гепард? — Волк прыгнул за куст. — Я жду тебя!

— Нет, Волк, я не умею драться в кустах.. Выйди сюда, на эту, как это у вас называется?..

— На поляну, — уточнил Ворон.

— Вот-вот. На поляну. И тогда мы увидим, кто из нас сильнее.

— Может ты и сильнее меня, — усмехнулся Волк, — но ты не сильнее нас.

Гепард спросил высокомерно:

— Кого это вас?

— Трёх моих братьев и трёх моих сыновей.

— Семеро на одного?.. Хороши храбрецы.

— Храбрость нужна, когда нападаешь. А когда спасаешься — нужен ум.

— Значит, умные — это те, кто избегает боя один на один.

— Один на один надо сражаться с тем, за кем гонишься. А если кто-то гонится за тобой..

— Надо звать на помощь? — насмешливо спросил Гепард.

— Время одиночек прошло, — вдруг вздохнул Волк. — Жизнь гонится за нами. И впереди нас. И сбоку. И спасётся в ней только тот, кого примет стая.

— Ты говоришь умные слова, и, может быть, ты прав... Если мы проткнём друг другу дырки в одежде, то оба останемся в дураках. Дырявая шкура на этом холодном ветру... Бр... У нас

в саванне такие дела решаются очень просто: кто первый догонит добычу, тот и прав.

— Найдём добычу и посмотрим, у кого больше силы.

— Когда придёт время, добыча сама найдётся, — Гепард кинул короткий взгляд вверх, — я предлагаю один пробег вокруг леса.

— Три! — крикнула сверху Обезьянка. — А ещё лучше пять кругов! И тогда ты победишь, Волк.

— Эта Обезьяна хочет, чтобы мы бегали вокруг леса до тех пор, пока она не состарится, — расхохотался Гепард.

— Один так один. Я согласен.

Гепард и Волк приготовились, и Ворон им скомандовал:

— Стар-р-рт!

Волк и Гепард ринулись вперёд.

— Давай, Волк, давай! — крикнул ему вслед Ёж.

— Гепард обманет его, — грустно сказала Обезьянка. — Гепард может бежать быстрее всех на свете один круг, но на три круга у него не хватило бы сил. Он очень хитрый, этот Гепард.

— Эх, отстаёт наш Волк, — с досадой махнул крыльями Ворон.

Обезьянка печально вздохнула:

— Если Гепард станет самым главным...

— Нет!.. Смотрите!.. Расстояние сокра-кра-кращается!..

— Скорей! Скорей! — фыркал Ёж.

Оба они неслись, как ветер, но первым на поляну всё-таки примчался Гепард.

Гепард прибежал, встал — от него пар столбom, а Волк еле-еле согрелся. Опустил морду — стоит обиженный.

Что поделаешь... Даже самому умному не всегда всё известно, и даже самый глупый всё равно чего-нибудь да знает...

Послушался бы Волк Обезьянку — совсем бы наоборот было. Гепард — зверь стремительный: он бежит вдвое быстрее самой быстрой лошади, быстрее поезда, да и не всякая машина его обгонит. Семьдесят километров в час — вот такая у него скорость! Кусты мимо него, как сплошной забор, мелькают. Лихо бежит!.. Да только недолго. Дыхалка у него короткая. Всех обгонит сначала, а потом висит, как мочало. Он и за антилопой так гонится: сразу догнал — в пузе густо, а не догнал сразу — в пузе пусто. У них там, в саванне, даже присказка есть: «Беда бежит за бедой, как зверь бежит за едой. Зверь догонит еду — еде на беду. А спасётся еда — значит зверю беда».

На три круга, а тем более на пять Гепарда бы ни за что не хватило. Оплошал наш Волк, оплошал... Да ведь песни грозные петь — большого ума не надо, ум, он в тихих песнях живёт.

Волк тяжело вздохнул:

— Ну что ж... Если ты хочешь быть здесь хозяином...

— Нет, я хочу быть твоим гостем, — склонил голову Гепард.

— Ты предлагаешь мне дружбу? — удивился Волк.

— Я не знаю, что это такое. Но если ты хочешь — возьми её...

— Тогда мои уши открыты для твоих слов...

— О, великий хозяин бело-зелёного леса, прими меня в свой дом, согрей меня и накорми. А если ты к тому же угостишь меня этой Обезьянкой, то я, и мои дети, и дети моих гепардят...

— Вот тебе моя лапа, Гепард.

Но Ёж нарушил их торжественный договор:

— Такая дружба, Волк, похуже любой ссоры. Наш лес не простит тебе...

— Щёлкал я зубами на ваш лес...

— Ёж, ты должен ему сказать, — попросил Ежа Ворон.

— Я никому ничего не должен, но я ему скажу... Если весь лес решит спасти Обезьянку, ты останешься один.

— Ну и что?

— И когда ты в следующий раз выставишь на берегу реки свои картины, никто из нас не придёт на них смотреть.

— Я известный художник, и щёлкал я зубами на ваши картины.

Ёж попытался напомнить Волку всем известную истину:

— Если картины известного художника никто не смотрит, то он очень быстро становится неизвестным.

— Если мне надо будет, то я нарисую не только картины,

но я нарисую и зрителей для этих картин... Всё! — разозлился Волк. — Мои уши закрыты для ваших слов. Вы мне надоели. Пошли, Гепард!

— Как называется этот куст, за которым ты хотел спрятаться?

— Это орешник, Гепард.

— Я вижу, на нём ещё осталось два последних ореха.

Волк посмотрел вверх, но не увидел никаких орехов.

— Где?

А Гепард произнёс громко, так, чтоб слышала Обезьянка:

— Это, наверное, очень вкусные орехи... Пойдём, Волк, сходим в соседний лес.

Вой Волка и рычание Гепарда слились в такой оркестр, что маленькие зверюшки просто застыли от ужаса, у всех даже мурашки по спине побежали... Первым пришёл в себя Ворон:

— Интересно, договорился К.Р.В. с шофёром?

— Это, Чернявый, интересно не только тебе.

— Тогда я слетаю к нему, — и Ворон улетел, поднявшись на всякий случай повыше над этим опасным лесом. Он сделал круг над поляной и увидел оттуда, сверху, что Обезьянка на дереве такая маленькая-маленькая, а Ёжик сидел на снегу, как крохотное серое пятнышко. «Да... Небогатое у нас войско... И если Волк с Гепардом...» Но он решил лучше не думать о том, что будет, «если Волк с Гепардом...» Он как можно сильнее взмахнул крыльями и помчался к Мальчику, Которому Разрешали Всё...

— Мне холодно, — чуть не плача пожаловалась Обезьянка. Ёж поёжился: «И мне тоже».

Они остались вдвоём на этой поляне. Волк и Гепард ушли, а страх остался. От холода страх страшнее, а от страха холод становится ещё холодней.

— Укройся чем-нибудь, а то у тебя совсем нет шерсти, даже такой тонкой, как у меня.

— Когда мы ложимся спать, мы укрываемся одеялом из старых листьев.

— Если бы со мной была моя мама, она бы прижала меня к себе, и я бы сразу согрелась... У тебя есть мама?

— Теперь уже нет.

— А дети?

— У меня было двадцать дочерей и двадцать сыновей. Они родили мне каждый по двадцать внуков и двадцать внучек. Сорок на двадцать будет восемьсот. И ещё восемьсот. Итого тысяча шестьсот... Тысяча шестьсот внуков и внучек родили мне по двадцать ежат — всего тридцать две тысячи. И раз уж я всё равно проснулся, надо будет обойти места ежиных спячек. Кому одеяло поправить, кому подушку... Будем надеяться, что мне не придётся их будить этой зимой... А ты постарайся не слезать с дерева до моего прихода...

Слышишь? Я скоро вернусь. — И Ёж торопливо убежал.

— Какой интересный куст. Может быть, на нём действительно остались орехи? — сама себя спросила Обезьянка. Больше ей не с кем было поговорить.

А с другой стороны поляны, за кустом, появились Гепард и Волк.

— И чего, дурья твоя голова, ты погнался именно за этой Обезьянкой? Разве нет

у вас в саванне диких свиней, оленей или хотя бы других обезьян?

— Есть. Но однажды я сам подслушал, как её мать шептала ей по секрету: «Ты у меня самая сладенькая на свете, ты у меня самая вкусненькая...» И мне так захотелось...

— Сытому всё горько, а голодному всё сладко, — пробормотал Волк.

«Я точно слышала, как они говорили про орехи на этом кустике», — подумала Обезьянка.

— Неужели тут у вас бывает ещё холодней, чем сейчас? — подвигал своим гибким телом Гепард.

— На такой снежок мы выходим немного погреться.

— Это твоя шутка, Волк? — с тревогой переспросил Гепард.

— Шутка, шутка, Гепард... Но однажды была зима, когда даже мы, волки, грызли кору деревьев... Боюсь, Гепард, что ты попал в скверный переплёт.

— Переплёт в клетке. А я пока ещё свободный охотник. Видишь этот куст, Волк? Держу пари, что он вырос специально для того, чтобы сидеть за ним в засаде. — И тотчас спрятался за кустом. — Меня не видно?

— Не видно, не видно, — успокоил его Волк, — сиди там, сиди. А я буду рисовать твой портрет. — Он достал кусочек коры и когтем начал выскрабливать на коре рисунок.

— Один прыжок — и от этой Обезьяны не останется даже следа. «Сладенькая, вкусненькая». Такое блюдо раз в жизни съесть, а после этого и умереть не жалко, — облизнулся Гепард.

«Все говорят, что орехи — это не только вкусная, но и очень полезная еда, — шептала самой себе Обезьянка, — и если съесть много орехов, то можно даже немного согреться».

Обезьянка не выдержала, слезла с дерева и стала осторожно двигаться в сторону орехового куста. Гепард насторожился, а Ёж отчаянно зафыркал, да так, что от его фыркания во-

круг поднялась маленькая метель. Какое счастье, что он вовремя вернулся!

— Волк, что кричит этот Ёж?

— Он предупреждает её об опасности.

— Но он нарушает закон охоты, — возмутился Гепард, — ты гонишься за кем-то, а кто-то гонится за тобой. Опасность — часть нашей жизни. Разве надо предупреждать живущего о том, что он живёт?

Обезьянка жалобно прошептала: «Ужасно хочется орешков...» Она уже была не в силах сопротивляться своему голоду и сделала ещё один неосторожный шаг к кусту.

Ёж забегал по поляне и зафыркал отчаянней прежнего.

— Волк, ты можешь этому Ежу запретить так громко фыркать?

— Увы!.. Запретить ежам делать что-то могут только ежи.

— Ну, хотя бы один орешек! — попросила Обезьянка у Ежа.

Гепард приготовился в следующую секунду совершить свой роковой прыжок, но в этот момент над поляной появился Ворон и успел крикнуть:

— Стой! Назад!

— Прыгай на дерево! Скорей на дерево!

Обезьянка словно очнулась от какого-то колдовства и быстро прыгнула на ветку.

Гепард выскочил из-за куста и закричал на Ежа. Он весь от усов до хвоста трясся от злости:

— Ты не имеешь права... Ты не должен...

— И то верно, Гепард, — свернулся клубочком Ёж, — я никому ничего не должен, но право я имею... Да, я имею право выступать в защиту того, кто меньше и слабее меня.

— Bravo, Ёж! Это было прекра-кра-красно сказано.

— Последнее время эти маленькие зверюшки становятся всё наглее и наглее, — лениво возмутился Волк.

— Это возмутительно! — раскапризничался Гепард. — Без еды я совсем замёрзну.

— Ты не замёрзнешь, Гепард. Я подарю тебе свой главный трофей — овечью тёплую шкуру. И овечьи сапожки.

— Ещё в Африке я слышал, что если Волк становится чьим-то другом, он становится лучшим другом на свете, — похвалил Волка Гепард. Вряд ли Гепард слышал в Аф-

рике о благородстве северного волка, но он знал, что подхалимаж иногда действует сильнее когтей.

— Знаешь, Волк, чем опасен новый друг? — спросил Волка Ёж.

— Чем? — насмешливо поинтересовался Волк.

— Новыми врагами.

— Твои слова не окрасили моё настроение в чёрный цвет. Щёлкал я зубами и на врагов, и на друзей! Пусть они сами меня боятся!

И Волк ушёл, не повернув головы. А если бы хотел, то тоже бы не смог. Все знают, что Волки поворачиваются всем телом

сразу. У них шея не вертится. Гепард со злости ударил лапой по снегу и поплёлся вслед за Волком.

— Что сказал К.Р.В.?

— Всё в порядке. К.Р.В. договорился с шофёром.

— Ну так где же они? — Ёж даже оглянулся вокруг себя.

— Шофёр сказал, что он может довезти её до аэродрома. Но сначала надо договориться с лётчиком.

— Как же он будет с ним договариваться?

— По телегра-гра-графу.

— Те-ле-граф. Слишком длинное слово, — с тревогой заметил Ёж, — пока они там договариваются, грянет настоящий мороз...

— К.Р.В. говорит, что в кабине у шофёра есть печка. Он включает её — и в кабине сразу становится тепло.

— Даже зимой? — с недоверием переспросил Ёж.

— В том-то и дело, что даже зимой.

— Ты в этом точно уверен?

— Нет, — признался Ворон, — но зато я точно уверен в том, что Мальчик К.Р.В. никогда не врёт.

Ёж, конечно, поверил Ворону, но всё-таки подумал, что такого не может быть, чтобы посреди зимы на четырёх колёсах катилось лето.

— У нас дома тоже зимой тепло, — мечтательно вспомнила Обезьянка.

— А что если поговорить с Сусликом? — спросил Ворон.

— О чём говорить с этим копушей?

— Из норки Суслика всегда идёт такое тепло...

— Но эта норка для неё слишком мала, — заметил Ёж.

— Стоп! — Ёжик быстро-быстро забегал по полянке, перебирая лапками по снегу, и вдруг резко затормозил и замер, как вкопанный. — Кажется, у меня есть мысль!

— Если кра-красивая мысль — тогда говори.

— А мысль моя, Ворон, там, где над сугробом медвежьей берлоги, как дымок, вьётся струйка тёплого воздуха... Надо осторожно посадить Обезьянку на эту тёплую струйку...

— Клянусь своим самым чёрным пером, что это очень опасная и очень прекра-красная мысль...

Когда Ёжик добрался до медвежьего сугроба, Обезьянка уже сидела над струйкой тёплого воздуха.

— Ну, как? — запыхавшись, спросил Ёжик.

— Хорошо! — радостно откликнулась Обезьянка. — Только попке тепло, а голове почему-то холодно.

— А ты перевернись вниз головой, — посоветовал Ворон.

Обезьянка так и сделала, но через несколько минут опять пожаловалась:

— Теперь голове тепло, а попке холодно.

— Кру-крутись, вертись. Только не делай резких движений.

И вдруг Ворон увидел, что к сугробу приближаются Волк и Гепард.

— Опасность! — крикнул Ворон и каркнул четыре раза подряд.

Обезьянка замерла вниз головой, а Ёжик свернулся комочком.

— Ага! — радостно вскрикнул Гепард. — Вот куда ведут их следы! А вот и она сама. Своей собственной персоной... Какой обед сидит на снегу!

Он уже приготовился для прыжка, но Волк остановил его:

— Не торопись, Гепард. Это хитро придумано. Если ты прыгнешь и разбудишь Медведя...

— Кто он такой, этот Медведь? — скривил в усмешке свою морду Гепард.

— Вроде вашего Льва. Только побольше и полохматей. Пойдём-ка лучше попробуем поймать пару зайцев.

— Зайцем не наешься.

— С голодухи и лягушку сожрать можно... К тому же я видел сегодня странный след молодого Лося. Мне показалось по следу, что он немного хромает.

— Но Лось не вкусней Обезьянки.

— Потерпи. Она всё равно вернётся на то же самое дерево.

Волк и Гепард пошли ловить зайцев, а Обезьянка захныкала:

— Я совсем отморозила попку...И хвост мой стал, как деревянная палка.

— А ты перевернись. Скорей! И переворачивайся каждые пять минут.

— Что такое пять минут? — спросила Обезьянка, уже сидя над теплом.

— Я могу каркать двадцать раз в минуту. Считай мои карки до ста — и будет ровно пять минут.

Но не успел Ворон каркнуть и трёх раз, как из-под сугроба пробурчал недовольный голос Медведя:

— Кто это там пляшет у меня над головой? Зима, что ли, кончилась?

— Да нет, — виновато пролепетал Ёжик, — до весны ещё далеко.

— Раз я проснулся, — прогудел Медведь, — значит, уже весна. И ежи просыпаются только весной.

— А ещё ежи просыпаются, когда в лесу беда.

— Какая может быть беда, когда я сплю?

— Большая. В наш лес попала маленькая Обезьянка.

— Как она сюда попала? — удивился Медведь.

— За ней гнался Гепард.

— Догнал?

— Пока нет. Но Гепард уже в нашем лесу.

— Да как он посмел без моего разрешения охотиться в нашем

лесу? Да я его одной лапой! Да я ему!.. Как дам бубном по морде!

— Медведь, ты кра-красив, умён, талантлив, и у тебя доброе сердце. — Ворон каркал так искренно, что это можно было даже не считать подхалимством...

— Всё это, конечно, правда, — согласился Медведь, — но зачем тебе моё доброе сердце?

— Твоё доброе сердце живёт в большой и кра-красивой берлоге.

— И если тыпустишь к себе Обезьянку, я всё лето буду фыркать в твою честь.

— Возьми её, и я тоже буду всё лето каркать в твою честь. Сугроб зашевелился, и сбоку в нём появилась дыра.

— Но только при условии, что она тоже будет спать. А то я с одной такой в цирке выступал. Вертялая была очень.

— Я спать хочу, я хочу спать, — дрожащим простуженным голосом пожаловалась Обезьянка.

— Тогда залезай, — прогудел Медведь.

Два дня всё было хорошо. А на третий день в лесу раздался треск ломающихся кустов, рёв Медведя и жалобный плач Обезьянки. Весь этот грохот приближался к поляне с одиноким деревом.

Ёж выскочил из своей берлогки и когда добежал до поляны, его глазам предстало невиданное зрелище: Медведь гнал перед собой Обезьянку, шлёпая её бубном по мягкому месту, и приговаривал:

— Иди, иди! Залезай обратно на своё дерево!

Подлетевший Ворон крикнул:

— Как же так, Медведь? Ты же обещал.

— Ах вы гады такие! — рычал Медведь. — Вы кого же это мне подсунули! Вы что, хотите меня на весь лес опозорить? Хотите, чтобы я гостя своего съел? Два дня я терпел, терпел, а сегодня всё! Чувствую — не выдержу сегодня. Прямо трясёт всего.

— Ты чего, Медведь? — попытался успокоить его Ёжик. — Ты же зимой ничего не ешь, ты же только лапу сосёшь...

— Вкусно пахнет очень, — жалобно простонал Медведь. — Уберите вы её от греха подальше.

— Прекра-красный благородный Медведь, спасибо тебе за то, что вернул нам Обезьянку живой и даже немного согретой.

— Спасибо! — крикнула сверху Обезьянка.

— Спасибо! — фыркнул Ёж.

— Спасибом сыт не будешь. Вы хоть мне поаплодируйте немного.

Ворон захлопал крыльями, Обезьянка и Ёжик застучали своими озябшими лапками, Медведь три раза ударил лапой в бубен и пошёл в свою берлогу, приговаривая сонным голосом:

— И вам спасибо... И вам спасибо...

— От этих нор ей лучше быть подальше, — посоветовал Ёж.

— Может, расчистить от снега кусок поляны и пусть она всё время танцует. Если быстро танцевать — ни за что не замёрзнешь.

— Это будет хорошая танцующая добыча для любого хищника, — печально усмехнулся Ёжик.

— Но если весь лес решит...

Ёж даже замер от восторга. Какая прекрасная мысль! Недаром все считают Ворона самой умной птицей. Даже целый лес не может остановить тяжёлую поступь зимы, когда приходит ей время, но он всегда может найти немножечко времени, чтобы спасти одно маленькое существо!

— Ворон! Ты умница! Прокаркай сбор всех лесных жителей!

— Кар!.. Кар!.. Всем, кто не спит!.. Всем, кто не спит!.. Объявляется общий сбор на скале у поворота реки.

— Бегите и прыгайте! — зафыркал Ёж.

— Кар-кар!.. Ползите скорее к скале! Плывите скорее к скале! Кра... Кра... Крадитесь скорее к скале!

— Бегите и прыгайте!

Ворон, Ёж и Обезьянка убежали на общий сбор всех жителей леса. Обезьянка сильно раскачалась на ветке дуба и в два прыжка перескочила, цепляясь в одно легкое касание за кусты малины и орешника, на ближайшую берёзу. На поляну выскочил Гепард, но было уже поздно. Вслед за ним из-за куста степенно вышел Волк.

— А ты почему не бежишь, Волк? — пристально посмотрел на него Гепард.

Волк заметил этот взгляд, «щёлкнул на него зубами» и ответил заносчивым тоном:

— Потому что я Волк, Гепард.

— А если они без тебя решат то, что тебе будет не выгодно?

— Тогда пусть они сами и выполняют это решение.

Гепард решил, что сейчас самое время немного сподхалимничать.

— Ты самый смелый зверь, какого я встречал в своей жизни. Даже Лев, царь зверей, не осмелился бы на такой поступок... Они идут! Я возвращаюсь в засаду.

— Твоё право, Гепард.

На поляну вернулись Ёж, Ворон и Обезьянка, которая ловко перепрыгнула с берёзы снова на ветку дуба.

— Ты зря не пришёл на общий сбор, Волк.

Волк насмешливо взглянул на Ёжа:

— А что нового я мог там услышать?

— Лес решил спасти Обезьянку.

— Я там не был, и это меня не касается.

— Это решил весь... Понимаешь, Волк, весь лес.

— Вот пусть весь лес и занимается этой ерундой.

— Это решение — как укра-кра-крашение. Да, да. Это украшает наш лес. И нас самих.

— Ты хочешь поссориться со всем лесом? — удивился Ёж.

— Нет. Но если лес хочет поссориться со мной — это его дело.

Ёж подбежал поближе к Волку и тихо сказал ему то, что он о нём думал. Это был их суровый мужской разговор.

— Ты не осмелишься на это, Волк.

Волк взорвался от злости:

— Если я хоть раз на что-то не осмелюсь, я подохну от голода.

— Ты пойдёшь один против всего леса? Зачем это тебе, Волк?

— Для того, чтобы вы ещё больше меня ненавидели. Ненависть — это страх дураков... Я обожаю, когда меня ненавидят. Я упиваюсь вашей бессильной ненавистью.

— Бессильна ненависть одного. Но ненависть всего леса...

— Не говори глупостей, Ёж. Тот мышонок, которого ты выслеживаешь себе на ужин, вряд ли станет твоим другом. В лесу не бывает друзей. Для того, чтобы один выжил, другой должен погибнуть. Час жизни и час смерти вертятся на одном колечке.

— Но есть ещё час беды. Час общей беды.

Волк спросил издевательски:

— Но кто же его объявит?

— Тот, кто окажется слабее самого слабого.

— Ха-ха! Где же вы его найдёте, если даже ничтожная тля пожирает роскошную розу?.. У каждого своя добыча, и никто из вас ею ни с кем не поделится. Делиться добычей можем только мы, волки... И поэтому я беру Гепарда в свою стаю.

— Это твоё право, Волк, — фыркнул Ёж, — но даже тот, кто ничего не боится, всё-таки одного должен бояться.

— Чего же? — удивился Волк.

— Смеха, Волк, смеха.

— Щёлкал я зубами на ваш смех!.. Я слышал, как хохочет в горах гиена, как фыркает от смеха Ёж, как смеётся по ночам филин... Ну и что?

— Это не тот смех. Совсем не тот смех.

— Всё! Мои уши закрыты для твоих слов.

— Общий сбор объявил танец дружбы. Ты ведь знаешь, что никто не имеет права тронуть того, кто исполняет этот танец. — И Ёж первым начал шлёпать по снегу своими короткими лапками.

Ворон тут же захлопал в такт своими чёрными крыльями.

— Почему же ты не танцуешь с нами, Волк? — спросил Ёж.

— У меня есть свой танец. Танец клыков и когтей.

— На совете Лиса сказала, что в её старой норе никто не живёт. Давайте посмотрим эту нору, — предложил Ворон.

— Может быть, там можно спрятаться от мороза? — в голосе Обезьянки опять зазвучала надежда.

— Можно-то можно, да только осторожно, — возразил Ёж, — Лиса — хитрый зверь. Даже нас, ежей, ей удаётся иногда обмануть... Одного глупого ежа она уговорила полежать на спине, погреть пузо на солнышке. И всё! Пропал ёжик.

— Но весь лес решил.. — напомнил Ворон.

— Лиса с удовольствием обманет хоть весь лес.

— Я воздержусь, — ответил ему Ворон.

— А я ничего не знаю и не понимаю, — пролаял Волк.

— Один против, двое воздержались, — подвёл Ёж итог.

Гепард очень встревожился:

— Лиса хочет украсть у меня Обезьянку? Говорят, что она очень хитрый зверёк.

— Вот именно, — согласился с ним Волк, — это её детская нора. В такой норе не уместится даже хвост твоей Обезьянки. Вот и окажется, что Лиса всей душой за них, но так же и всей душой не против нас.

— Волк, я хочу тебе что-то сказать, — шепнул Гепард.

— Если ты хочешь сказать мне что-нибудь приятное, мои уши открыты для твоих слов.

— Я видел твои картины. Ты великий художник! — торжественно произнёс Гепард.

Уши Волка превратились в два громадных звукоулавливателя. Они прямо выросли на глазах и стали даже больше самого Волка.

— Да, да! — продолжал Гепард. — Ты гениально рисуешь следы зверей. Особенно след зайца. Знаешь, я даже захотел помчаться по этому следу. Я сделал уже прыжок и только потом понял, что это картина...

Волк закрыл от удовольствия глаза:

— Говори, говори, Гепард.

— И я хочу тебя спросить.

Волк великодушно разрешил ему:

— Спрашивай, спрашивай...

— На всех твоих картинах нарисованы следы. А что ты ещё можешь рисовать?

— Всё, — не умирая от скромности, сказал Волк.

— Камень можешь нарисовать?

— Могу.

— А гору? А дерево? А яблоко? А грушу?

— Могу.

Гепард заметался по поляне, забил хвостом по снегу.

— Слушай, Волк, а не можешь ли ты нарисовать мне банан? Банан на Обезьянку действует, как морковь на зайца. Ты увидишь, как она задрожит при виде банана. Сначала она будет о нём

беспрерывно думать, потом он начнёт ей сниться, потом мерещиться наяву, а потом... Он, как магнит, притянет её к себе... И тогда один прыжок... Всего лишь один прыжок!

— Ты слышал, что решил лес?

— Но ты там не был, и это тебя не касается. Ну?.. Только один банан...

Волк задумался. Он вспомнил кое-что из истории лесной жизни.

— Нет, не могу.

Гепард замер и крикнул в отчаянье:

— Но почему?

— Я никогда не видел банана.

— Я расскажу тебе, какой он. Ты великий художник. И ты своим гениальным воображением...

Уши Волка снова начали быстро увеличиваться.

— Ну ладно, ладно... Только рассказывай поподробней.

— Хорошо. Он такой длинный, жёлтый, изогнутый и совсем не пахнет мясом.

— Запах нельзя нарисовать... Вот что. Пошли поищем сучок, похожий на твой банан. Я покрашу его в жёлтый цвет.

— Хорошая мысль, Волк, хорошая мысль...

Волк и Гепард ушли с поляны искать этот сучок, а Ворон, глядя им вслед, очень растревожился.

— По-моему, они что-то задумали.

— Да и косточки мои тоже что-то задумали, — пожаловался Ёж. — Старость не радость... Болят мои косточки, ноют. Да не просто ноют, а как перед дождём.

— Дождь — это хорошо, — обрадовалась Обезьянка. — Я не боюсь дождя.

— Да откуда он вдруг возьмётся, дождь, среди зимы? — засомневался Ворон.

— Я давно живу на свете, мой чернявый юный друг. Меня много раз обманывали. Но косточки мои меня не обманули

ни разу... Пойду правнуков проверить... Холод такой, а они спят нараспашку. Все листья с себя раскидали.

Ёж ушёл, а на поляне появился Гепард, подбросил на снег сучок, жёлтый, как банан, и спрятался за куст.

— Это очень печально,— горестно вздохнула Обезьянка, — но похоже, что со мной случилось именно то, чего больше всего боялся наш старый вожак.

— Чего же он так боялся?

— Каждый вечер, перед тем как ложиться спать, он всегда пел одну и ту же песню: «Не дай нам Бог проснуться на чужбине».

— Глупенькая, — постарался утешить её Ворон. — Это в тебе говорит страх. О! Страх — великий болтун... Конечно, если у тебя нет друга — тебе весь мир чужбина. Но если найдётся друг...

Обезьянка радостно вскрикнула:

— Ой!

— Что «ой»?

— Я, кажется... Кажется... Вижу банан... Значит, я в Африке, в Африке, значит, я снова дома... Неужели я наконец-то смогу, как прежде, как раньше, как всегда, съесть самый вкусный, самый душистый в мире банан?

— Это обман, — предупредил её Ворон. — Не смотри туда. Лучше закрой глаза.

— Хорошо. Пожалуйста... Нет! Я закрыла, но я всё равно его вижу... И какой запах! Какой дивный запах!

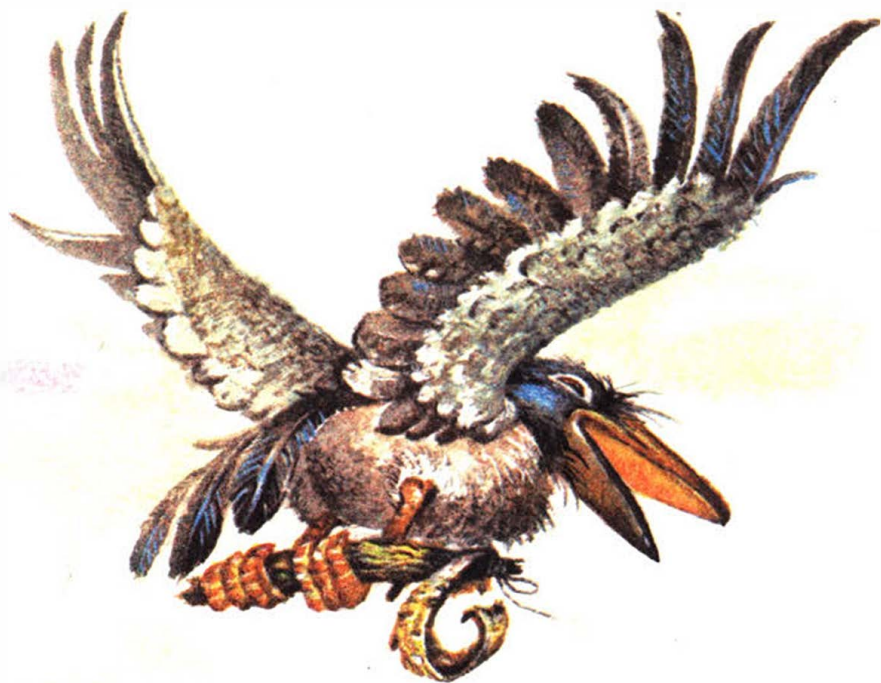
— Зажми пальцами нос! — крикнул Ворон.

— Пожалуйста, я зажала... Но я всё равно чувствую его запах...

— Как ты можешь чувствовать его запах, если он не настоящий банан?

— Ненстоящих бананов не бывает. Все бананы настоящие. — И она начала слезать с дерева.

Гепард снова приготовился к прыжку: «Наконец-то она моя!»

— Не слезай! Это Гепард подбросил тебе приманку.

Но Обезьянка не слышала предупреждений Ворона. Она, как зачарованная, продолжала спускаться всё ниже и ниже. Время с ужасной быстротой отсчитывало последние секунды её жизни. И тогда Ворон, рискуя своей жизнью, схватил этот «банан». Гепард прыгнул на него из засады, но Ворон успел взлететь на дерево, потеряв в этой битве два больших чёрных пера из своего великолепного крыла.

Ворон сердито протянул его Обезьянке:

— На, ешь!

Обезьянка попыталась откусить, но тут же выплюнула и обиженно заплакала:

— Он невкусный, он совсем невкусный...

— Ты вор, Воронёнок! Ты вор, вор, вор! Ты украл чужую добычу. Ты знаешь, что за это бывает в джунглях?

— Здесь не джунгли, здесь нормальный лес. У нас даже деревья кланяются тому, кто сумел спасти своего друга.

На поляне появились Ёж и Волк.

— Ох, косточки мои, косточки, — прокряхтел Ёж, увидел вороны перья и грустно заметил:

— Без двух перьев тебе будет трудно летать.

— Что поделать! Мне пришлось эти два пера выменять на жизнь Обезьянки.

— Я никому ничего не должен, но тебе я должен кое-что сказать: я уважаю тебя, Ворон.

— Опять мимо, Гепард? — с деланным равнодушием спросил Волк.

— Что-то слишком часто я стал промахиваться. В чём дело, Волк? — с раздражением спросил Длинноногий Убийца.

— Это игра на чужом поле, Гепард. Трудная игра.

— Если бы не этот Ворон... Сколько ему лет, Волк?

— Скоро будет двадцать. Для Ворона он ещё совсем мальчишка, вороны живут по сто лет.

— Но не все, а только те, кому удаётся прожить так долго.

— Пойдём, Гепард... Не надо пугать Ворона. Это самая осторожная птица в нашем лесу... И если уж он решился... Здесь что-то не так... Пойдём, Гепард, пойдём...

Волк и Гепард понуро ушли, как и полагается уходить потерпевшим поражение.

— Смотрите-ка, туча приближается!.. — возвестил Ворон. — Да ещё какая!..

— Тише! —
шепнул Ёж. — Я слы-
шу, как под снегом за-
журчал ручеёк...

— А мне стало теплее, —
обрадовалась Обезьянка. —
Мне стало намного теплее.

— Неужели зима кончи-
лась? — удивился Ворон.

— Будем надеяться, Ворон,
будем надеяться.

— Значит, я не погибну? —
с надеждой спросила Обезь-
янка.

— Ур-ра! Кар-кар!.. Да
здравствует весна и лето!

И вдруг начался дождь.
Он шёл всё сильнее и силь-
ней. И в ритме дождя
Ёж спел всем свою
любимую песню.

А вот и дождик проливной,
А вот и дождик проливной,
А вот и дождик!
А я не должен никому,
А я не должен ничего,
Совсем не должен.

А мне и нечего отдать,
А мне и некому отдать,
Я гол, как дождик!
И здесь не должен мне никто,
Никто не должен ничего,
Совсем не должен!

И лишь из глаз моей души,
Из старых глаз моей души
Слезится дождик.
Пусть всем должна моя душа,
Но я не должен ни гроша,
Совсем не должен.

Души моей затерян долг,
В глуши веков затерян долг,
Как старый дождик.
И вечен долг моей души,
Бессмертен долг моей души,
А я не должен... А я не должен...
И вдруг зябко поёжился.

— Что-то снова косточки мои заболели... Неужели опять погода переменится?..

Откуда-то послышался далёкий гул и протяжный свист ветра. Обезьянка ужасно испугалась:

— Что это?

— Холодный ветер. Так свистит только холодный ветер. Это была всего лишь оттепель... Кар-кар! — уныло каркнул Ворон.

— Снег зимой — это ещё полбеды. Но когда после оттепели всё покроется льдом... — Ёж от такой мысли даже сжался в комочек.

Обезьянка жалобно простонала:

— Холодно... Мне снова холодно...

— Этого мороза она не переживёт... Ворон, лети скорее к Мальчику. Надо срочно что-то придумать. — И Ёж закричал, как бы обращаясь ко всему лесу: — Надо что-то придумать!

— Эх, прилетела бы ты к нам летом! — размечтался Ворон.

И они, перебивая друг друга, стали нахваливать летний лес.

— Ты бы увидела, сколько здесь у нас ягод.

— И грибов...

— И весь лес в цветах...

— А бывает такая жара, что даже мы, вороны, и то прячемся в тень...

— И даже ежи стараются намочить свои лапки в речной воде, потому что по голой земле очень горячо бегать.

Снова засвистел холодный ветер. Все умолкли. Только Ворон нарушил молчание.

— Кар-кар... Кар-кар...

Ворон — птица вещая, зря каркать не будет.

— К чему это ты так раскаркался, Ворон?

— К морозу, Ёж. Боюсь, что к морозу...

— А что вы делаете, когда вам бывает очень холодно? — спросила Обезьянка.

— Терпи, мой друг, терпи, — подбодрил её Ёж. — Мы тоже терпим.

Далеко в небе над их головами слышался гул самолёта. Он удалился и затих.

— Что это? Какой странный голос у этой птицы.

— Это не птица, — постарался объяснить ей Ворон. — Это лётчик полетел, чтобы договориться с машинистом паровоза, который должен будет договориться с капитаном корабля.

— Когда же они договорятся?

— Это не так просто, — вздохнул Ворон.

— Долго я не вытерплю.

— Ты постарайся. Ты такая кра-красивая. Я тебя очень прошу.

— Ты ведь маленькая и слабая, — старался утешить её Ёж. — А маленькие и слабые должны уметь терпеть... Главное — старайся не двигаться. Когда лёд под твоими лапками растает, тебе будет легче держаться.

— Сколько может обезьянка вот так провисеть на ветке, если это, конечно, очень закалённая обезьянка?

— Если тепло — пять дней, — ответила ему Обезьянка.

— А при морозе?

— Не знаю... Мне ещё никогда не приходилось висеть на таком скользком ветру... Если я замёрзну, я больше никогда не увижу свою мамочку, и своих братьев, и своих сестёр... И пальмы, и бананы, и финики, и вкусные, сочные листья баобабов... А ведь всё это было так недавно...

И очень грустно она запела свою песню. Ей казалось, что когда она поёт про лето, то вокруг становится чуточку теплее.

— Ну хоть до вечера ты можешь довисеть? — спросил её Ёж.

— Не знаю... Ничего я не знаю.

— К вечеру Мальчик, Которому Разрешают Всё, выяснит насчёт твоей Африки.

— А может, мне туда убежать?
— Куда туда? — не понял Ворон.
— В Африку... Туда, где всегда тепло.
— Как же ты туда побежишь?
— Я буду бежать всё время в сторону солнца.
— А если Гепард погонится за тобой?
— Я могу бежать по земле и деревьям, а Гепард только по земле.

Ёж, который всё время обдумывал возможность побега, с сомнением покачал головой.

— После оттепели все деревья покрылись льдом. По таким деревьям не очень-то побегаешь.

— На твоём пути встретятся реки, покрытые скользким льдом, — отговаривал её Ворон.

— Я прокачусь по этому льду!

— А поваленные деревья, пни и кор-кор-яги?

— Я перепрыгну через них!

— А если ты вдруг споткнёшься?

— Я снова вскочу и побегу дальше.

— А Гепард? — напомнил ей Ёж

— Но Гепард тоже может споткнуться, — возразила ему Обезьянка.

— Я хочу напомнить тебе закон погони, — строго сказал Ёж. — Если споткнётся тот, кто гонится, он встанет и снова побежит, но если споткнётся тот, за кем гонятся...

На поляне появился Гепард в овечьей шкуре, которую ему подарил Волк.

— Бе... е... е... Бе... е... е...

— Овечка, овечка, — радостно закричала Обезьянка, — спрячь меня в своём доме! Укрой меня своей тёплой шкурой!

— Кре-крепче держись за ветку. Слышишь? Эта овечка пострашней твоего кро-крокодила.

А Гепард запел таким жалобным голосом, что кое-кто даже поверил, что он и вправду овечка.

— Не бекай. Тебе всё равно никто не поверит! — каркнул Ворон.

А Ёж добавил:

— За много лет столько волков наряжалось в эту овечью шкуру, что она давно уже пахнет не овцой, а волком. А у Ворона глаз — ватерпас. Он овцу от Гепарда по походочке различает.

— У, с каким удовольствием я бы вырвал эти вороньи глаза! — злобно прорычал Гепард.

Ворон рассмеялся:

— Ворон ворону глаз не выклюет. А от остальных меня спасает моя подруга — осторожность.

Снова возник гул самолёта. Он постепенно нарастал, приближался, и наши друзья с последней надеждой прислушивались к этому звуку. Может быть, там, над их головами, проплывало маленьким

серебристым крестиком спасение Обезьянки. Лётчику уже передали по радио, что в северный наш лес каким-то чудом забрели Обезьянка и Гепард и никто не знает, что теперь с ними делать. Правда, его знакомый шофёр уже, наверное, сказал ему, что за это дело взялся Мальчик, Которому Разрешали Всё, что это «очень толковый мальчик». Но, к сожалению, у него был слишком маленький самолёт чтоб долететь до Африки.

Вдруг звук стал удаляться, потом моторы взревели так, будто тысяча зверей зарычали, приготовившись к прыжку, и внезапно всё затихло.

— Что случилось? — испугалась Обезьянка.

— Ничего особенного, — скромно заметил Ворон. — Это

совершил посадку вернувшийся самолёт. И я надеюсь, что лётчику наконец-то удалось договориться с машинистом паровоза.

И Ворон поспешил к Мальчику К.Р.В.

Гепард закашлялся, зарычал:

— Проклятье! Похоже, что ваш воздух набит колючками кактусов.

— Это начало. Это только начало, Гепард, — встряхнулся на снегу Ёж. — Настоящий мороз — это когда птицы замерзают на лету и падают замертво. А воздух стано-

вится похож не на колючки, а на раскалённое железо. Волк может помочь тебе сменить шкуру, но он не может тебе сменить воздух.

— Что же мне делать? — уже не на шутку встревожился Гепард.

— Написать заявление в зоопарк, — посоветовал ему Ёж.

— Зачем?

— На всякий случай, Гепард.

— Я не люблю всякие случаи. Я люблю только те случаи, которые выбираю сам.

— И то верно, — согласился с ним Ёж. — Этот случай ты тоже выбрал сам.

И снова завыл ветер. Пока ещё не сильно, тоненьким таким голоском, но даже от такого ветерка на душе как-то зябко становится. А душу лучше всего в тепле держать. Замёрзшую душу целой жизнью не согреешь. Душа не от мороза замерзает, а оттого, что согреть её некому.

Все примолкли, вслушиваясь в этот тоненький холодный голосок. Ёж первым нарушил тоскливое молчание:

— И давайте будем называть вещи своими именами: кто надеется на тёплую зиму, тот не доживёт до лета.

— Ну почему? — вдруг словно взорвался Гепард. — Ну почему я всем здесь чужой, в этом лесу, где под ногами горит белый огонь и обжигает лапы, как раскалённые угли?.. Я, так же как и вы, живу по законам еды. Если еда бежит на меня — я прячусь в засаде, если еда от меня убегает — я догоняю еду. Это закон сильного. Главный закон жизни. Разве я нарушил этот закон, Ёж?

— Нет.

— Тогда почему Обезьянка всем здесь своя, а я всем здесь чужой?

— Потому, что на свете ещё существует и закон слабого.

— Закон слабого? — поразился Гепард. — Первый раз слышу!

— Это закон для того, кто попал в беду.

Гепард даже подпрыгнул от возмущения такой несправедливостью.

— Но мы оба попали в беду: и Обезьянка, и я.

— Да. Но сильный, попавший в беду, может обратиться и сам, а слабому нужно помочь.

— Все законы: и воды, и земли, и неба требуют одного, — назидательным тоном произнёс Гепард. — Пусть слабый погибнет, чтобы дать выжить сильному.

— Все, кроме этого, — стоял на своём Ёж. — Потому что все законы сильного созданы для рабов, и только один этот маленький закон создан для того, кто свободен.

— Ты меня смешишь! — Гепард попытался рассмеяться, но тут же закашлялся, глотнув холодного воздуха. — Даже и слон, и лев, и кит, и орёл подвержены чувству страха. Значит, и они не свободны. А если не они, то кто же может быть свободным?

— Никто и все, — спокойно ответил ему Ёж. — Никто из нас и любой из нас. Стоит только тебе захотеть помочь слабому — и ты сразу станешь свободным. Пусть ненадолго, но всё-таки свободным.

— Это дурацкий закон, — скривил морду Гепард, — и я его никогда не смогу понять.

— Поймёшь, если когда-нибудь почувствуешь себя слабым и беспомощным.

— Кар! Кар! Ура! — вернулся Ворон. — Лётчик договорился с машинистом паровоза, и тот помчался в морской порт, чтобы договориться с капитаном корабля. У нас появилась большая надежда!

— У вас только что появилась, а у меня она давно есть.

— На что же ты надеешься, Гепард? — усмехнулся Ворон.

— На то, что ваша Обезьянка скоро окажется в моих лапах.

— Конечно, я боюсь тебя, Гепард. Я тебя очень боюсь. Но пока я сижу на дереве...

— Когда-нибудь ты с него слезешь.

— Обезьяны всю жизнь проводят на деревьях.

Гепард злобно провёл когтями по снегу.

— Но не на таких. На этих деревьях не растут бананы, здесь нет фиников и ананасов. В этом лесу твоя еда растёт на земле. Ты, конечно, не забыла того, что по утрам говорил вам ваш старый вожак?

Обезьянка насторожилась:

— Что?

— Он каждое утро говорил вам: «Помни, что твоя опасность всегда рядом с твоей едой».

— А где твоя опасность, Гепард? — любопытствовал Ворон.

— Для меня нигде нет опасности. Я ничего не боюсь.

— Кра-красиво сказано, — усмехнулся Ворон. — Но я тебе скажу ещё более красиво: твоя опасность там, где нет твоей еды.

— Моя еда рядом. Вот она. И ей от меня никуда не деться.

Гепард зашагал по поляне и постарался рычать как можно страшней в надежде, что от страха Обезьянка упадёт на землю. Он перестал рычать, потёр лапой горло, чтоб хоть немного его согреть, и добавил:

— И если бы не этот ничтожный Ворон, который украл мой банан...

— Какой банан? Это был всего лишь кусок сухого дерева. И мой глаз-ватерпас сразу это заметил. Твой Волк — плохой художник.

Волк вышел из-за куста, спросил грозно:

— Кто плохой художник?

— Он прав, — согласился Гепард. — Ты плохой художник, Волк. Волк чуть не поперхнулся от удивления.

— Я?

— Ты даже не смог нарисовать настоящий банан... По твоей вине я умираю от голода.

Волк даже растерялся и смутился от такой наглости.

— Если бы не этот проклятый Ворон... Разве я виноват, что у него глаз-ватерпас?

— Конечно, у этого Ворона хорошее зрение. — И Гепард

ехидно спросил: — А ты что, разве рисуешь свои картины для слепых?

Ну, тут уж Волк возмутился так, что даже смотреть на него было страшно. От бешенства его просто трясло, как от электрического тока.

— Я рисую свои картины не для слепых, а для голодных!.. Голодный смотрит на мир не глазами, а желудком... Я нарисовал сто морковок и поймал на них сто зайцев. Ни одного промаха... Я нарисовал среди зимы пучок такой сочной зелёной травы, что на неё попался даже пугливый осторожный олень... Однажды я нарисовал на коре куст малины со спелыми красными ягодами, и Медведь, старый умный медведь, проглотил эти ягоды вместе с корой, а потом три дня чихал и плевался. Вот так... — Волк показал всем как Медведь чихал и плевался. — Подтверди, Ворон.

— Что было, то было.

— Весь лес сбегается посмотреть на мои картины, когда яставляю их у скалы на повороте реки. — Он вдруг повернулся к Гепарду и потребовал: — Отдай шкуру!

— Почему? — не понял Гепард.

— Если в нашем лесу овцы начнут оскорблять волков...

Гепард сообразил и пошел на попятную.

— Я не хотел тебя оскорбить.

— Не хотел, но оскорбил. Отдай шкуру! — стоял на своём Волк.

— Извини, я был не прав, — признался Гепард, хотя ему было противно признаваться в своей неправоте. Там, в Африке, он бы этого никогда не сделал.

— Отдай шкуру, — упрямо твердил Волк.

— Ты подарил её мне.

— Не подарил, а дал поносить. Отдай шкуру!

— Ну, что ты завёлся? — попытался успокоить его Гепард.

Волк злобно зарычал:

— Отдай шкуру!

— Ты что, взбесился, что ли? — удивился Гепард. — Ну, хочешь, — пожалуйста! Я расскажу всей Африке, какой ты гениальный художник. Я захвачу с собой твои картины и покажу их крокодилам и бегемотам.

— Отдай шкуру, — тихим горестным голосом прошептал Волк.

— Но почему? — закричал Гепард. Страх заставляет кричать даже самых молчаливых. А таких болтливых хвастунов, как он, — тем более. Коричневые пятна на его шкуре стали почти чёрными. Так темнели они у него, когда он замечал на горизонте охотника с ружьём и сеткой.

— Из-за тебя я поссорился со всем лесом, и я думал, что ты будешь моим другом, моим единственным другом. Я думал, что буду дружить с гордым Гепардом — африканским Длинноногим Убийцей, а ты оказался не гепардом, а свиньёй... Вот кем ты оказался... А волк свинье не товарищ!..

Волк сорвал с Гепарда овечью шкуру и ушёл гордой походкой оскорблённого художника.

Гепард остался на поляне в полном недоумении: «Что это он там выдумал? Друг... Дружба... Глупости какие-то... Когда я сыт, все звери мира — мои друзья, а когда я голоден — все они становятся моими врагами...»

— За что вы гоните меня по этому снегу? — простонал Гепард.

— Это не мы тебя, это ты прогнал Обезьянку из тёплой Африки. Разве ты поступил кра-расиво?

— Мне здесь так же холодно, как и ей, — пожаловался Гепард.

— Нет, ей холодней, — сказал Ворон.

— Почему? Мороз — для всех мороз.

— Ты хоть можешь побегать и чуть-чуть согреться, а она боится даже кра-краем лапки шевельнуть.

— Почему же она так боится пошевелинуться? — с деланным недоумением спросил Гепард.

— Потому, что она боится тебя.

— Даже сильнее, чем мороза?

— Для неё ты сейчас страшнее мороза, — грустно сказал Ёж. — Но боюсь, что скоро мороз окажется ещё страшнее тебя.

— По-моему, я замерзаю... Совсем, — всхлипнула Обезьянка.

— Постарайся хоть немного осторожно подвигаться. Это тебя согреет.

Обезьянка не решилась это сделать, а Гепард подпрыгнул несколько раз на месте.

— Ты прав, Ворон, мне стало немного теплей... А пусть она тоже немного попрыгает и согреется. Если она будет очень

быстро прыгать, я не смогу её догнать... Эй, Обезьянка, побежали наперегонки! — предложил Гепард.

— Я такая замёрзшая... Но всё-таки я не такая глупая...

— Ты глупая. Ты глупее самого глупого носорога. На что ты надеешься? На что? — рычал Гепард.

— Тебе этого не понять, — пошевелил иголками Ёж. — Ты прожил жизнь в тепле...

Гепард закричал отчаянным голосом:

— В каком тепле? Где вы тут нашли тепло? Даже овечью шкуру — и ту у меня отняли! Бр... Если бы мог, я бы разорвал этот холод в клочья... Волк!.. Где ты, Волк?.. Давай помиримся... Я буду целые дни стоять перед твоими картинами... И восторгаться... И ахать... И охать... И всем говорить, что ты... Что ты... Вообще... Волк, где ты, Волк?

Гепард помчался по следам Волка, а из-за куста выглянул Заяц.

— Здравствуйте! Я по поручению всех зайцев должен вам задать один смелый вопрос.

— Задавай, — разрешил ему Ёж.

— Вы спасёте эту Обезьянку?

— Мы стараемся, Заяц.

— Все зайцы за вас переживают. Мы, честно сказать, очень боимся этого Волка с морковкой. А тут ещё этот страшный Гепард. Но если что... Мы...

— Мы знаем это, Заяц.

— Спасибо. Если вы разрешите, я всё-таки спрячусь. — И Заяц убежал.

— В этот раз мы избавились от Гепарда, но что будет дальше?

— По-моему, Волк и Гепард теперь ненавидят друг друга, — предположил Ворон. — И если они передерутся между собой...

— Нет, Ворон, это ещё не вражда, — возразил ему Ёж, — это всего лишь ссора.

— По-моему, у меня замерзает хвост, — испуганно прошептала Обезьянка.

— Помаши им, и он согреется, — посоветовал Ворон.

— Не могу. Он, наверное, уже замёрз.

— Это опасно? — с тревогой посмотрел на неё Ёж.

— Это ужасно! Если мой хвост замёрзнет, я не смогу прыгать с ветки на ветку. Мой хвост — это моя пятая лапа. Это самая главная моя лапа.

— Что же нам делать с ней, Ёж?

— Не знаю. У меня никогда не было хвоста.

— У меня есть хвост. — Ворон даже приподнял его, чтобы Ёжу было видно. — Но он у меня не такой длинный, и он никогда не замерзал... Ёж, ты умный и мудрый, и ты должен что-нибудь придумать.

— Я никому ничего не должен, но я постараюсь придумать... Вот... Если мы её немножечко подёргаем за хвост, то он, наверное, немножечко согреется?

— Такой прекра-кра-красный хвост — это настоящее украшение. Мы должны спасти этот хвост!

— Сообщаю новость! Опасную новость! — с таким криком влетела Сорока. С важным видом уселась на ветке дуба, трясёт хвостом, бока свои белые выставила.

— Ну, какая ещё у тебя новость? — недоверчиво покосил глазом Ворон.

— Да уж, хороших новостей ждать не приходится. Говори, — приказал ей Ёж. — Всё равно мы должны называть вещи своими именами.

— Скоро ночь, скоро ночь, — застрекотала Сорока, — а ночью мороз усилится.

— Эту новость мы и без тебя знаем.

— Тогда я сообщу вам старость: летом рябина очень рано поспела.

— Сами видели, какая она была кра-кра-красная.

— Тогда вы сами знаете, что зима будет ранней и холодной.

— Только к чему ты всё это нам рассказываешь?

— Мне Обезьянку жалко, — затрясла хвостом Сорока.

— Нам всем её жалко...

— Спасибо вам, спасибо вам, — шептала Обезьянка, — спасибо вам за то, что согреваете меня.

Доброе слово и без костра греет, а злое слово и у костра заморозит. За добрым словом люди на край света ходили, а иногда и за край света заглядывали. Люди жизнь свою, как пустяковую игрушку, бросали к ногам доброго слова. Да, может, и вся борьба между добром и злом — это борьба доброго и злого слова. «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» — это, наверное, про злое слово сказано, а вот когда поют: «Вспыхнули слова любви...»

Да и то верно, что самая трудная наука в жизни — это добрые слова говорить. Тут один чудака предлагал открыть академию добрых слов!.. А может, и не такой уж чудака...

Ёжик услышал лёгкий-лёгкий шорох, поднял голову и увидел, как на верхних ветвях старой разлапистой ели появились три маленькие белочки.

— Скажи нам, милейший Ёжик, — деликатно спросила одна из белочек, изогнув свой пушистый хвост изящным вопросительным знаком, — не можем ли мы чем-нибудь помочь этой печальной Обезьянке?

— Разве можно остановить ветер? — покачал головой Ёжик и продолжал философствовать: — Разве можно остановить реку, или солнце, или мороз... И если называть вещи своими именами...

Белочка воспользовалась тем, что Ёжик на секунду задумался, и торопливо пропищала:

— А орехи она ест?

— Ем! Ем! — с мольбой закричала Обезьянка. — Немного орехов могут сейчас согреть моё тело и душу!

— Милейший Ёжик, если Ворон пообещает сейчас нас сегодня не трогать, мы принесём ей много-много орехов. Наши кладовые пока ещё не опустели!

— Пообещай им это, Ворон. Надеюсь, ты помнишь, что сегодня в нашем лесу вступил в действие закон слабого.

— Клянусь своим правым кры-кры-крылом, — отвернувшись от них, неохотно поклялся Ворон.

Белки умчались, стремительно перепрыгивая с ветки на ветку, и через несколько минут принесли три орешка.

Снова умчались и снова принесли. То ли белок

становилось всё больше и больше, то ли они бежали всё быстрее и быстрее, но Обезьянка еле успевала разгрызть орехи, хотя делала это с такой привычной ловкостью, что можно было подумать, будто она всю жизнь питалась лесными орехами.

Ворон, как оно и положено настоящему часовому, каркнул:

— Возвращаются Волк и Гепард! Будьте осторожны!

Он ещё не успел докаркать, как белки уже были далеко-далеко, в самой середине леса. Ещё бы! Они всегда считались чемпионами по тройным прыжкам. Если бы за настоящими чемпионами по прыжкам кто-нибудь гнался — они бы такие рекорды показывали!

А Волк, увидев под дубом целую гору ореховой шелухи, от хохота так защёлкал зубами, что чуть было не сломал один из самых главных зубов.

— Да это же никакая не Обезьяна! Это просто большая белка. И мех похожий. Только хвост чуть длинней. А белка в нашем лесу не гость, а местный житель.

— И значит, ты сможешь угостить меня этим местным жителем? — подобострастно спросил Гепард. — Твоей щедрости нет предела!

Но Ёж фыркнул и успел предупредить Волка:

— Прежде, чем позвать гостя, разузнай, какой у него аппетит. Подумай, кто следующий? Когда-нибудь и до тебя дойдёт очередь.

— Хорошо, я подумаю, — огрызнулся Волк.

— Я всегда считал тебя умным зверем, — польстил Ёж Волку.

— Так оно и есть, Ёж, — похвастался Волк.

— Так кто же всё-таки будет дёргать её за хвост? — спросил Ёж.

— Ты, — ответил Ворон.

— Почему я?

— Ты предложил — ты и дёргай.

— Я не достану.

— Подпрыгни, — предложил Ворон.

Ёж попытался подпрыгнуть, но у него ничего не получилось.

— Ты что, разучился прыгать?

— Наверное, — расстроился Ёж. — Последний раз я прыгал, когда был совсем молодым.

— А Мальчик К.Р.В. на соревнованиях прыгнул на метр сорок.

— Что такое метр сорок? — спросил Ёж у Ворона.

— Не знаю, — честно признался Ворон.

— Если мой хвост замёрзнет — меня не спасёт никакой Мальчик. Даже если ему разрешается всё.

— Ладно, — согласился Ворон. — Давай я попробую. Только крепче держись лапами за ветку.

— Я не могу крепче, она очень скользкая.

— Я дёргаю, — предупредил Обезьянку Ворон.

— Только осторожней дёргай, — попросил его Ёж. — Это всё-таки хвост, а не верёвка.

Ворон несколько раз дёрнул за хвост Обезьянку.

— Ну что? Тебе теплей?

— Кажется, немного теплей, — неуверенно ответила Обезьянка.

— Конечно, теплей!.. — обрадовался Ворон. — Видишь, твой хвост стал даже чуть-чуть длиннее... К.Р.В. говорит, что если что-нибудь замерзает — оно становится короче, а если согревается, то становится длиннее... Ёж, ты теперь тоже сможешь допрыгнуть до хвоста... Ну, приготовились!..

— Только не делайте мне больно.

— Хорошо... Давай вместе... Раз!.. Два!..

Они дружно прыгнули, дёрнули её за хвост, и Обезьянка сорвалась с ветки и упала на снег.

— Скорей на дерево! Скорей залезай на дерево!

— Не могу.

— Подсади её. Ёж, а я подам ей крыло.

— Я не могу.

— Почему? — спросил Ёж.

— У меня что-то с ногой. И с рукой... Дайте мне скорей какое-нибудь лекарство.

— Где мы тебе здесь возьмём лекар-карство? Здесь лес!

— Тогда смажьте мне ногу пальмовым соком.

— Здесь не растут пальмы.

- Тогда погрейте её солнцем.
- Наше солнце греет только летом, — чуть не застонал Ёж.
- А когда будет лето?
- Не скоро, мой друг, ох как не скоро! — В словах Ежа была такая горечь, что у него самого даже тоскливо стало на душе.
- Сюда бредёт Волк! — крикнул Ворон.
- Я пропала?
- Пока ещё нет, но надо что-то делать. Ёж, ты срочно должен...
- Похоже, что на этот раз я действительно что-то должен... И похоже, что в эту зиму, как тогда, со змеями, не только мне одному придётся проснуться для подвига...
- Ну, тогда буди всех. Я уверен, что маленькие ежи... Эти кро-кро-крошки такие умницы...
- Ах, Ворон, если бы это было так просто...
- А что же тебе мешает?
- Я сам. Да. Сам себя я могу в любой момент поднять на

подвиг... Себя самого... Но имею ли я право звать на подвиг других?

— Твой друг в беде, и сам ты не можешь ему помочь.

— А это, пожалуй, аргумент. Это уже серьёзный аргумент, Ворон! Это почти факт, который можно назвать своим именем. — И Ёж начал так фыркать, что было даже удивительно: откуда столько силы в таком маленьком существе. — Фу-фу-фу... Фу-фу-фу... И ты фыркай, Ворон! И ты, Обезьянка. Все, все фыркайте.

Ёж убежал, а Ворон и Обезьянка продолжали фыркать. Вдруг на поляну выскочили пять белок с криками: «Нам страшно! Нам страшно! Нам страшно!» Они прижались своими хрупкими горячими телами к обезьяньим лапам и кончику хвоста.

— Мне тепло, мне тепло! — радостно закричала Обезьянка, — только не уходите, только не покидайте меня!

— Нам страшно, — прошептала та Белочка, что висела на хвосте. — Нас может схватить Гепард, нас может схватить Волк, нас даже может схватить Ворон. Да, нам страшно, но мы не покинем тебя!..

Ну, этого даже во всём лесу никто не ожидал. Вечно пугливые белки преодолели свой страх, и это больше чем подвиг. Преодоление страха — это возможность стать самим собой.

И уж совсем замерло у белок сердечко, когда на поляну вышел Волк с такой мордой, как будто к ней приклеили насмешку.

— Что же ты не фыркаешь, Волк? — спросил его Ворон. — Ты ведь умеешь очень громко фыркать.

— Я много чего умею, — уклончиво ответил Волк.

— Тогда пофыркай. Вот так: фу-фу-фу...

— Зачем?

— Раз Ёж велел всем фыркать, значит, так надо.

— Вам надо, вы и фыркайте, — отвернулся Волк.

— Когда-нибудь придёт час — и ты тоже попросишь нас о помощи.

— Если такой час придёт, я попрошу о помощи молча. И только самого себя, — высокомерно ответил Волк.

Вдалеке послышался шум поезда и потом гудок паровоза.

— Слышишь? Это машинист помчался к морю, чтобы договориться с капитаном корабля, — обрадовался Ворон.

Обезьянка вдруг испуганно взвизгнула.

— Почему вокруг меня шевелится снег?

Ворон пригляделся и сделал ей знак, приложив крыло к клюву.

— Тише. Молчи. Кажется, мудрый Ёж придумал что-то интересное.

Ёж вернулся.

— А, это ты, Волк? — Ёж сделал вид, что не сразу его заметил. — Ты пришёл помочь нам спасти эту маленькую Обезьянку?

— Я никого не собираюсь спасать.

— Значит, ты всё ещё за него? За этого пятнистого кота?

— Я ни за кого. Я за себя. Я против всех.

— Против всех — это значит и против самого себя.

А вот и Гепард подошёл своей развязной, совсем не охотничьей походкой.

— Ба!.. Что я вижу?.. Моя еда уже лежит на тарелочке... И ты здесь, Волк?.. Ладно, перестань дуться... Если ты будешь вести себя хорошо, я угощу тебя кусочком Обезьяны.

— Я не ем обезьян, — угрюмо прорычал Волк.

— У тебя плохой аппетит? — ехидно поинтересовался Гепард. Волк ответил ему так же угрюмо:

— У меня хороший аппетит. Но я не ем обезьян.

— Знаешь, Волк, я хотел бы тебе кое-что сказать...

— Если ты хочешь сказать мне что-то приятное, то мои уши открыты для твоих слов...

— Нет. Тогда лучше закрой свои уши и всё-таки выслушай меня.

— Ну? — равнодушно спросил Волк.

— Похоже, что ты немного побаиваешься этих маленьких зверюшек, — подначивал Гепард.

Волк даже не повернулся в его сторону.

— Твои слова не окрасили моё настроение в чёрный цвет... Глуп тот, кто не умеет промолчать в ответ на глупость. Но я тебе всё-таки отвечу: я никого не боюсь, но я иногда кое-кого уважаю.

— Каждый должен уважать только самого себя... А тот, кто уважает других, — всю жизнь ходит в потёртой шубе и с облезлым хвостом. Правильно я говорю, Обезьянка?

— Зачем я буду говорить тебе «да» или «нет», если ты всё равно меня съешь, — вздохнула Обезьянка.

— Да, — согласился Гепард. — Но если ты скажешь мне «нет», я разозлюсь на тебя, а когда я злой, — еда мне кажется гораздо вкуснее.

Ёж шепнул Обезьянке:

— Скажи ему «нет».

— Скажи ему «нет», — шепнул ей Ворон. — Надо, чтоб он от злости прыгнул как можно дальше.

— Он такой страшный...

— Ты веришь нам? — торопливо шёпотом спросил её Ёж.

— Да.

— Ты хочешь, чтобы мы тебя спасли? — так же шёпотом спросил Ворон.

— Да.

— Тогда скажи ему: «Нет!»

Обезьянка закрыла от страха глаза и крикнула:

— Нет! Нет! Нет!

— Ну... Всё! — Гепард прыгнул в сторону Обезьянки и с воплями отпрянул назад. — Проклятье!.. Откуда в этом лесу колючки кактуса? — Вырвал зубами из лапы колючку и с удивлением долго её рассматривал. Нет, это не кактус. — И вдруг отчаянно закричал:

— Что здесь происходит?

Первый раз в его голосе слышался страх.

— Ничего особенного, Гепард, — спокойно сказал Ёж. — Просто мы спасаем своего друга.

— Кто это — вы?

— Мы, ежи. Я, мои дети, мои внуки и правнуки... И не вздумай бежать. Тридцать две тыся-

чи ежей и ежат окружили тебя сплошным кольцом. И мы не выпустим тебя отсюда до тех пор, пока Мальчик, Которому Разрешается Всё, не возьмёт к себе Обезьянку.

— Но без движения и еды Гепард превратится в сосульку, — заметил Волк. — Что же ему прикажете делать?

— Пусть подаст заявление в зоопарк, — посоветовал Волку Ёж.

— В зоопарк я всегда успею, — всё ещё сопротивлялся Гепард.

Но тут Ёж напомнил ему одно старинное правило:

— Всегда успевает только тот, кто успевает вовремя.

— Я не хочу вмешиваться в ваши дела, — сказал Волк Гепарду, — но на твоём месте я бы написал это заявление.

— Зачем?

— На всякий случай.

— Я уже говорил: я люблю только те случаи, которые выбираю сам.

Волк достал из-за куста большой градусник.

— Посмотри на эту штуку, Гепард.

— Я знаю, это градусник. Но это нарисованный градусник.

— Да. Но я нарисовал его так хорошо, что он показывает настоящие градусы... Видишь?.. Только недавно на нём было минус пять, а сейчас уже минус десять...

Послышался далёкий, но мощный протяжный гудок корабля.

— Что это? — заметался Гепард. — Так рычать может только огромный, страшный зверь.

— Это не зверь, — засмеялся Ворон. — Это гудок парохода. Значит, капитан согласен!

— Ты знаешь язык людей, — попытался придраться к нему Гепард, — но ты не знаешь язык пароходов. С чего ты взял, что он прогудел «да»? А если он прогудел «нет»?

— Я уверен, что он прогудел «да»!

— А может, он прогудел, что ему очень жаль Обезьянку, но, к сожалению, он плывёт не в Африку, а на Северный полюс.

Ворон задумался.

— Это было бы очень печально.

— Очень, очень печально... — вздохнула Обезьянка. — И очень холодно...

— Тише! — крикнул Ворон. — Слышите?

Издалека донёсся стук колёс по рельсам.

— Это машинист паровоза на всех парах мчится назад!

Стук колёс слился с другим шумом и перешёл в ровный гул самолёта. Откуда-то с высоты все услышали голос лётчика:

«Я — двенадцать, тире семнадцать, тире ноль два, выполняю рейс сто семьдесят один: юг — север — юг... Прошу разрешения на посадку...»

Гул самолёта оборвался, потому что его заглушили сигналы автомобиля. Он сигналил совсем рядом.

— Шофёр вернулся! — увидел сверху Ворон. — Это очень хороший шофёр!

И вдруг неожиданно раздался звук трубы.

— А это что за зверь? — опять насторожился Гепард.

— Это труба, — спокойно и вежливо ответил Ворон. — Настоящая деревянная серебряная труба. В особо торжественных случаях Мальчик, Которому Разрешают Всё, вызывает меня к себе сигналом этой трубы.

Ворон вздыбил свои могучие крылья, взмахнул ими и улетел.

— Ёж, — спросил Гепард, — ради чего в этом снегу мёрзнут твои ежата? Отпусти их домой.

— Нет, они не уйдут, пока мы не спасём Обезьянку.

— Но ведь им в этом снегу тоже ужасно холодно.

— Да. Очень холодно.

— Нет, я всё-таки не могу понять: почему вам так уж необходимо спасти эту Обезьянку?

— Потому что мы пожалели её.

— Тогда почему же здесь никто из вас не пожалел меня?

— А разве ты хочешь, чтобы тебя пожалели?

— Да, — неуверенно сказал Гепард.

— Не ври, Гепард. Ты даже не знаешь, что это такое. Ты хочешь, чтобы тебя боялись.

— А чем это плохо, Ёж?.. Зато я спокойно сплю. Никто не осмелится потревожить сон Длинноногого Убийцы.

— Ну что ж, — усмехнулся Ёж. — Спи спокойно. Но когда-нибудь и ты проснёшься от страха, Гепард.

— От какого страха? — высокомерно спросил Гепард.

— От страха одиночества, — сказал ему Ёж.

— Я не знаю такого страха и не хочу с ним знакомиться.

— Никто не хочет, Гепард. Но страх одиночества сам выбирает себе знакомых.

Ворон возвратился с криком:

— Ура! Капитан корабля согласился отвезти тебя в Африку. Собирайся... Нам пора прощаться, милая наша Обезьянка.

— Тогда пусть они возьмут и меня! — завопил Гепард. — Я тоже хочу в Африку!

— Ты плохой зверь... Ты глупый зверь, Гепард... Но Ворон всё-таки слетает и спросит у них о тебе... А мне надо кое о чём поговорить с нашим художником...

— Только поторопись, — посоветовал Ворон. — Похоже,

что мороз заворачивает всё сильнее и сильнее... Я должен встретить шофёра. — И Ворон улетел.

Волк показал на градусник.

— Уже минус двенадцать.

— Надеюсь, что мой разговор сэкономит нам много времени.

И оба они, и Волк и Ёж, прислушались к нарастающему гулу и свисту ветра.

— Что это? Опять ваш пароход? — спросил Гепард.

— Это ветер. Северный ветер.

Гепард заметался в кругу ежей, приготовился к прыжку, но ежи вздыбили колючки, и прыгнуть он всё-таки испугался.

— Пустите меня, мне холодно!

— Нет, ты будешь здесь, пока не решится судьба Обезьянки.

— Но она уже решилась.

— Пока ещё нет. Теперь всё зависит от твоего бывшего друга.

— А при чём здесь я? — удивился Волк.

Гепард попробовал лапой снег, но тут же отдёрнул её, наколовшись на иголки ежей.

— Мне холодно... Я хочу есть... Я хочу пить... Перед этим ужасным морозом я объявляю себя маленьким и слабым, и по закону слабого вы должны меня защитить и спасти...

Сообразительным парнем оказался этот Гепард.

— Не ной! — презрительно усмехнулся Волк. — Мои уши закрываются от стыда при звуках твоего плаксивого голоса.

— Посмотри, Волк, каким смешным может стать грозный Гепард.

— Он сам во всём виноват, — ответил Ежу Волк.

— Нет, это маленькие ежи сделали смешным великого Гепарда.

— Ну что ж, — согласился Волк. — Ты ещё раз оказался прав. От великого до смешного один шаг.

— Боюсь, что когда ты в следующий раз выставишь свои картины...

— Знаю я, знаю... Вы не придёте на них смотреть.

— Нет, мы придём... И будем смеяться, глядя на твои картины... Только не говори, что ты щёлкал зубами на наш смех. Смех обламывал и не такие зубы.

— Твои слова окрасили моё настроение в чёрный цвет.

— А чёрной краской красную морковку не нарисуешь, — с иронией заметил Ёж.

Волк подумал немного и согласился:

— Хорошо, а если я признаюсь, что был не прав?

— Нет... Только действием ты можешь искупить свою вину.

— Какое же это действие? — насторожился Волк.

— Ты должен отвезти Обезьянку в деревню.

— Может, я, по-вашему, и глупый, но я не сумасшедший. Разве ты не знаешь, что делают с волками в деревне?

— К.Р.В. сказал, что ты будешь под его защитой.

— Я не хотел вмешиваться ни в чьи дела, — гордо заявил Волк, — но вы меня заставили.

Ворон вернулся и с сожалением покачал головой.

— Нет, Гепард! С тобой у нас ничего не получается. Все: и шофёр, и лётчик, и машинист, и матросы — все сказали, что они боятся Гепарда, и никто из них не хочет тебя брать. Они говорят, что ты слишком хищный зверь.

— Что же мне тогда делать? — Гепард даже присел от страха. — Неужели великий Гепард умрёт среди этих ничтожных ежей?

— Ты превратишься в статую, — пискнул какой-то ежон. — Это будет очень красивая статуя.

Ворон протянул ему книгу в большой красной обложке.

— Вот. Держи. К.Р.В. передал специально для тебя. Укройся ею и беги в зоопарк. Будет считаться, что ты занесен в Красную книгу, и тебя туда примут без очереди.

— Спасибо! — Гепард суетливо схватил книжку.

— И поторопись, — посоветовал ему Ворон. — Директор зоопарка будет тебя ждать ровно в двенадцать часов ночи на углу под часами возле аптеки. И не опаздывай. Ему там тоже холодно.

— Расступитесь, ежата! — весело приказал всем Ёж.

Гепард осторожно пошёл, как сквозь узкий коридор, по снегу и, даже не махнув хвостом на прощанье, убежал в сторону города.

— Обезьянка, у меня к тебе есть одна просьба, — Ворон даже смутился, он редко что-нибудь у кого-нибудь просил.

— Я выполняю любую твою просьбу, — весело крикнула Обезьянка.

— Будешь в Африке — передай привет Соловью. Маленький такой, серенький, ты его сразу узнаешь. Скажи, жду я его, скучаю. Мы с ним иногда дуэтом поём. Кра-кра-красиво у нас получается...

— Передам, передам, обязательно передам.

— Эй ты, несчастная Обезьянка, — проворчал Волк, — залезай ко мне на спину.

— А нам можно? — испуганно спросили белочки. — Мы будем защищать её от холодного ветра.

— Можно, можно. Вам теперь всё можно, — недовольным тоном прогудел Волк.

— Минуточку, — обратился к Ворону Ёж, — неси.

Ворон улетел и вернулся с маленькой ёлочкой.

— На... Это тебе на память от нас. Скоро Новый Год, а К.Р.В. сказал, что в Африке не растут ёлки... Поэтому мы решили... Ты укрась её в новогоднюю ночь своими бананами или ещё чем-нибудь... Это будет прекра-кра-красивая новогодняя ёлка.

— И когда ты согреешься, ты потанцуй вокруг неё и вспомни о своих верных друзьях.

— Я вас никогда, никогда, никогда не забуду!

Обезьянка прыгнула на Волка, белки прыгнули на Обезьянку, и все они помчались к дому Мальчика, Которому Разрешалось Всё, потому что он всё равно никогда ничего плохого сделать не может.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Лев Ефимович Устинов

БОЛЬШАЯ ПОГОНЯ

Ответственный и художественный редактор

А. Б. САПРЫГИНА

Технический редактор

Н. Г. МОХОВА

Корректор

Е. С. АКСЕНОВА

Издание подготовлено

в компьютерном центре

издательства «РОСМЭН»

АР №071328 от 09 августа 1996 г.

Подписано к печати 20.09.96. Формат 84×108 1/16.

Бум. офс. №1. Гарнитура Лазурская. Печать офс.

Усл. печ. 11,76. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 30 000 экз. Заказ № 2430. С—010.

Издательский дом «Росмэн».

125124, Москва, а/я 62.

1-я ул. Ямского поля, 28.

Отдел реализации 257-46-61.

Отпечатано на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинате детской литературы

им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации по печати.

170040, Тверь, пр. 50-летия Октября, 46.

ISBN 5—257—00010—5

у 4803010201 — 010 Без объявл.
38Г(03) — 96

© Л.Е. Устинов. Текст, 1996

© В. Коркин. Иллюстрации, 1996

© «Росмэн». Макет, 1996

